

Они поспешили обратно в управу, но уездный судья Чэнь ещё не пришёл. Сюн Цзиньчжоу сказал Нин Гуйчжу:

— Чжу-гер, ты сначала иди в комнату. Я выведу людей на обход. Когда начнётся заседание, шума будет немало, тогда просто приходи, хорошо?

— Угу, иди занимайся.

Нин Гуйчжу кивнул и, проводив Сюн Цзиньчжоу взглядом, с бамбуковой корзиной на руках пошёл на задний двор, прямо в комнату, выделенную Сюн Цзиньчжоу. Сначала он вынул три цянтя медяков, которые Сюн Цзиньчжоу небрежно положил внутрь, и отложил в сторону. Потом проверил бумагу, тушь, кисти, тушечницу и книги. Убедившись, что ничего не помялось и не повредилось, он вынул всё, а медяки положил на самое дно.

Глядя на разложенные на столе бумагу, тушь, кисти, тушечницу и книги, Нин Гуйчжу то трогал одно, то рассматривал другое, полный свежего интереса. Если бы не сдержанность взрослого человека, он бы уже сейчас начал растирать тушь. Раньше он писал кистью исключительно ради денег: если можно было купить готовые дешёвые чернила, он никогда не стал бы связываться с чернильным бруском. Строго говоря, это был первый собственный набор кисти, туши, бумаги и тушечницы в жизни Нин Гуйчжу.

Почувствовав в руках поверхность тушечницы и чернильного бруска, он аккуратно сложил вещи обратно в бамбуковую корзину: сначала их, затем кисти, потом бумагу. Спрятав корзину в углу кровати, Нин Гуйчжу сел за стол, посмотрел на несколько книг и в итоге взял «Основы законов для начинающих». В спокойной династии законы обязательно нужно было знать.

Время прошло за шелестом страниц. Только когда раздался барабанный бой, Нин Гуйчжу с удивлением понял, что уже прошло больше получаса. Он отложил книгу, прочитав всего несколько страниц, запер двери и окна и направился к передней части управы.

К главному залу уездной управы не всякому можно было пройти короткой дорогой. Нин Гуйчжу вышел через боковую дверь, обошёл здание и подошёл к залу спереди. Вокруг уже стояло немало людей. Он вошёл с краю, и едва успел встать, как услышал несколько тихих «пс-пс».

Нин Гуйчжу посмотрел туда - это был немного знакомый яменский служащий. Увидев, что Нин Гуйчжу заметил его, тот поманил рукой и провёл его к месту в углу у входа в главный зал.

— Сюн-фулан, смотрите отсюда. Только не шумите громко и не ешьте здесь закуски.

— Хорошо, спасибо, — тихо поблагодарил Нин Гуйчжу.

От главных ворот управы до середины зала тянулась большая открытая площадка, где простым

людям разрешалось стоять и наблюдать, чтобы показать справедливость уездного начальника. Сейчас внутри главного зала уже стояла на коленях женщина. Увидев, что Нин Гуйчжу устроился прямо у входа в зал, толпа любопытных, прежде только высовывавшая головы снаружи, тут же хлынула внутрь.

— Эй-эй, это кто такая? Что случилось? Кто-то умер? Не слышал, чтобы у кого-то мужик страшно помер.

— Умер кто-то? Раз женщина дошла до того, что била в барабан, этот мужик, должно быть, помер совсем уж ужасно.

— ...

Видя, что слухи уже вот-вот породят в Аньхэ ещё одно «жуткое дело», Нин Гуйчжу не удержался:

— Никто не умер. Это дело о домашнем насилии.

— Домашнее насилие?

Как ни говори, хотя у двора уже были соответствующие законы, у простого народа самого понятия «домашнее насилие» не существовало. Выслушав дальнейшее объяснение Нин Гуйчжу, кто-то не удержался и пробормотал:

— Ну подумаешь, пару раз ударили. Из-за этого ещё и самому уездному судье жаловаться? И палок получить не боится.

По голосу Нин Гуйчжу посмотрел туда - это была женщина средних лет. Разумом он понимал, что винить её нельзя, но, услышав такие слова, всё равно почувствовал, как в груди застрял тяжёлый ком.

— Тц, нравится тебе получать побои - сама и получай. Землёй и небом управляешь, что ли, раз даже чужое нежелание терпеть побои тебе поперёк? — к счастью, не у всех головы были забиты. Когда вокруг стало слишком много голосов о том, что «побои - обычное дело», вперёд выступила опрятно одетая девушка, упёрла руки в бока, гордо вскинула подбородок и сказала всем: — Ну, продолжайте. Дайте мне посмотреть, кто тут хочет, чтобы его били. Завтра сама помогу вас туда отправить.

Неизвестно, кем была эта девушка, но окружающие после её слов смутились, пробормотали пару примирительных фраз и перевели разговор на женщину, стоявшую на коленях в зале. Девушка фыркнула, повернула голову и встретилась взглядом с Нин Гуйчжу, в глазах которого ещё не исчезла улыбка. Она неловко почесала волосы и отвела глаза.

Шум у входа продолжался недолго.

— Уездный судья прибыл!

— Суд начинается!

Зеваки снаружи вслед за этим голосом опустились на колени и хором произнесли: «Приветствуем уездного судью». Лишь когда спереди прозвучал приказ уездного судьи Чэня подняться, все встали. На этот раз толпа стала куда тише, почти никто больше не переговаривался.

— Тишина в зале, — незнакомый мужчина средних лет вышел к передней стороне судейского стола и, опустив глаза на стоящую на коленях женщину, спросил: — Кто ты, какая у тебя обида, есть ли письменная жалоба?

Женщина на полу глубоко вдохнула и поклонилась лбом до земли:

— Эта простолюдинка - Цянь Сань-нян из восточной части города. Три года назад я вышла замуж за второго сына семьи Ли...

Это дело о домашнем насилии было тем, что намеренно продвигал уездный судья Чэнь. От выхода в зал до каждой фразы Цянь Сань-нян всё было заранее продумано. Как обычной женщине, ей не требовалось заранее готовить жалобу; сначала она говорила по правилам, излагая то, что следовало сообщить в суде, а затем перешла к обвинениям против мужа.

У уездного судьи Чэня было только одно требование: говорить искренне.

Глядя, как женщина в суде плачет так, будто вот-вот потеряет сознание, даже те, кто поначалу говорил, что «побои - обычное дело», невольно прониклись сочувствием.

Судьба Цянь Сань-нян и правда была тяжёлой. Она вышла за Ли-эрлана потому, что её отец сломал ногу и семье срочно понадобились деньги. Тогда, конечно, тоже выбирали из нескольких семей и в итоге остановились на Ли-эрлане, но сама причина брака изначально ставила её ниже других. За эти три года побоев было не счесть; об этом слышали не только в уездном городе, но и в окрестных деревнях и посёлках.

К концу рассказа Цянь Сань-нян уже почти не могла дышать. Увидев это, уездный судья остановил её и сказал людям рядом:

— Шие, пригласите лекаря. Бутоу, сходи и приведи второго сына семьи Ли.

— Слушаюсь.

Незнакомый мужчина средних лет и Сюн Цзиньчжоу одновременно сложили руки в поклоне. Один направился за зал суда, другой широким шагом пошёл к толпе. Глядя, как Сюн Цзиньчжоу уходит, не глядя по сторонам, Нин Гуйчжу на миг мягко улыбнулся.

О том, что Цянь Сань-нян подала жалобу в суд, Ли-эрлан совершенно не знал. Когда Сюн Цзиньчжоу пришёл и пинком распахнул дверь, вся семья Ли не то что остановить его - даже спросить, что случилось, не посмела, лишь дрожала от страха. Увидев, как Сюн Цзиньчжоу схватил человека и ушёл, семья Ли в панике бросилась следом. Соседи, заметив это, тоже невольно потянулись за ними.

В суде Ли-эрлана прижали к земле, заставив стоять на коленях. Он даже не успел разглядеть человека рядом, как уже начал кланяться уездному судье Чэню, плача и моля:

— Господин! Господин, я ничего не совершал! Господин, пощадите!

А рядом Цянь Сань-нян - лекарь надавил ей на нужные точки, и теперь она успокоилась. Она стояла на коленях с прямой спиной, и разница между ними была очевидна с первого взгляда.

— Тишина.

Уездный судья Чэнь ударил по судейскому бруску и, дождавшись, пока Ли-эрлан замолчит, сказал:

— Ли-эрлан, подними голову и посмотри. Узнаёшь ли ты эту женщину рядом?

Услышав это, Ли-эрлан лихорадочно принялся соображать, даже вспомнил девицу, к которой приставал, когда покупал вино. Но, подняв голову и разглядев Цянь Сань-нян, он мгновенно расслабился. Нахмурившись, он бросил на неё взгляд, и в голосе его ещё не успели исчезнуть плаксивые нотки, когда он поспешно заявил уездному судье:

— Господин, я с этой дрянной бабой не близок. Если она совершила преступление, забирайте её, ко мне это не имеет отношения!

— ...

В зале и за его пределами повисла мёртвая тишина. Затем кто-то в толпе фыркнул, и смех прокатился волной.

— Ли-эрлан, Ли-эрлан... ты и впрямь глуп и ядовит, — усмехнулся уездный судья Чэнь, и голос его был пропитан холодом.

— Ч-что...

Ли-эрлан, увидев такое выражение лица уездного судьи, оцепенел и какое-то время не мог понять, что происходит. А вот семья Ли, подоспевшая сзади, уже успела услышать от окружающих почти всё. В этот момент они протиснулись вперёд, и, услышав слова уездного судьи, мать Ли тут же разразилась бранью в сторону Цянь Сань-нян:

— Ты, рвань паршивая! Хочешь моего сына погубить?! Как я вообщепустила в дом такую нечисть...

Хлоп!

Судейский брусок снова ударил по столу.

Уездный судья скользнул взглядом по женщине и холодно сказал:

— Нарушение порядка в суде. Увести и дать десять палок.

Затем он посмотрел на размякшего Ли-эрлана и низким голосом спросил:

— У тебя есть возражения против обвинений Цянь Сань-нян?

Ли-эрлан сидел как в тумане и растерянно поднял голову. Уездный судья Чэнь подождал немного, но, видя его бесхребетный вид, почувствовал ещё большее отвращение и вынес приговор по закону:

— Проверкой установлено, что слова Цянь Сань-нян правдивы. С сегодняшнего дня ваши супружеские отношения расторгнуты. Имущество Цянь Сань-нян возвращается ей. Ли-эрлан получает сорок ударов бамбуковой палкой. Исполнить немедленно.

Наказание палками означало избиение преступника по спине, ягодицам или ногам бамбуковой дощечкой либо прутьями. Его применяли к тем, кто совершил сравнительно лёгкую провинность. Но и здесь имело значение, чем именно били - бамбуковой дощечкой или прутьями, легко или тяжело.

Уездный судья хотел сделать дело Цянь Сань-нян и Ли-эрлана показательным, поэтому, разумеется, не собирался мягко спускать наказание. Глядя, как лежащий на скамье мужчина под ударами бамбуковой палки вопит от боли, окружившие зал люди невольно отступили на несколько шагов.

И вдруг неизвестно кто выкрикнул:

— Правильно бьют!

Нин Гуйчжу: «...»

Били, конечно, действительно правильно, но... Он повернул голову и увидел в толпе ту самую девушку, которая хлопала и одобрительно кричала. Почему-то ему стало немного жалко её родителей. Такой характер, ненавидящий зло, легко могут обмануть и использовать.

— На кого смотришь?

Сюн Цзиньчжоу бесшумно появился рядом с Нин Гуйчжу и проследил за его взглядом, но цели не нашёл.

Услышав его голос, Нин Гуйчжу невольно прислонился к мужчине.

— На одну девушку. Довольно интересная.

— А-а.

Сюн Цзиньчжоу снова посмотрел в ту сторону, затем заметил, что лицо Нин Гуйчжу немного побледнело, и тихо спросил:

— Проводить тебя на задний двор отдохнуть?

— Нет, я хочу досмотреть.

Нин Гуйчжу действительно тяжело переносил зрелище наказания в зале суда, но стоило ему взглянуть на стоявшую неподалёку Цянь Сань-нян, исхудавшую до состояния живого скелета, как вся жалость, вызванная криками наказуемого, превращалась в чувство справедливого удовлетворения. Такой конец Ли-эрлан заслужил сам.

Уездный судья Чэнь уже покинул зал вместе с шие. С помощью яменского служащего Цянь Сань-нян неуверенно поднялась на ноги. Внимание Нин Гуйчжу тут же переключилось на неё.

Подойдя ближе, он мягко сказал:

— Сань-нян, здравствуй.

Цянь Сань-нян растерянно посмотрела на стоящего перед ней уже замужнего гера. Она целыми днями либо работала, либо терпела побои и понятия не имела, кто такой Нин Гуйчжу. Сам Нин Гуйчжу и не думал, что она обязана его знать. Под её недоумённым взглядом он спокойно продолжил:

— Меня зовут Нин Гуйчжу. Сейчас я работаю в ремесленной школе. В дальнейшем по распоряжению господина уездного судьи буду обучать разным ремёслам. Если тебе будет интересно, можешь приходить послушать. Или просто приезжай в деревню Сяохэ и найди меня.

Услышав доброжелательность в его словах, Цянь Сань-нян поспешно поблагодарила:

— Спасибо вам большое. Я запомню.

Когда Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу ушли, стоявший рядом служащий похлопал её по плечу:

— Сестра Сань, живи теперь спокойно. Сначала поправь здоровье вместе с ребёнком. А по мне, так поучиться у господина Нина - хорошее дело. Неважно, выйдешь ты снова замуж или нет, но хоть будет ремесло, которым можно заработать на хлеб.

Этот человек был довольно хорошо знаком с её семьёй.

— Да, хорошо. Я запомню, — кивнула Цянь Сань-нян.

Когда знакомый человек подтвердил слова Нин Гуйчжу, она действительно приняла их близко к сердцу. Впрочем, это было делом будущего. Не обращая внимания на бывшего мужа, который всё ещё получал наказание, она под охраной служащего поспешила домой. Её приданое состояло лишь из постельных принадлежностей и сундуков, и возвращать их было не так уж важно. Самым важным был ребёнок.

Ещё до подачи жалобы Цянь Сань-нян обсудила всё со своей семьёй. Она собиралась вернуться в родительский дом вместе с ребёнком, сменить ему фамилию и внести в родословную семьи Цянь, чтобы именно он продолжил их род.

Тем временем Нин Гуйчжу вернулся на задний двор управы. Оказавшись вдали от посторонних глаз, он сразу обнял Сюн Цзиньчжоу. Лицо его мгновенно побледнело - теперь было ясно, насколько сильно его всё это напугало. Сюн Цзиньчжоу придвинул табурет поближе и просто усадил Нин Гуйчжу к себе на колени, обнимая и успокаивая:

— Ли-эрлан ленивый бездельник. На самом деле палки не так уж больно бьют, просто орёт он очень громко.

Нин Гуйчжу:

— ...Ты меня за дурака держишь?

Сюн Цзиньчжоу не выдержал и тихо рассмеялся. Наклонившись, он легко чмокнул его в щёку.

— Виноват.

— Господин уездный судья говорил, что собирается делать дальше с Цянь Сань-нян? — Нин Гуйчжу попытался отвлечься. — Одного наказания мало. Если после развода она будет жить очень плохо, такой пример вряд ли произведёт нужное впечатление.

— Наверное, её тоже отправят в ремесленную школу? — предположил Сюн Цзиньчжоу. — Я знаю только, что у господина есть план, но подробностей не слышал.

— Тогда присматривайся. Если я смогу чем-то помочь, обязательно скажи.

— Хорошо, — серьёзно кивнул Сюн Цзиньчжоу.

<http://bllate.org/book/14958/1711806>